

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра международных отношений
и внешней политики России

**Российско-иранское сотрудничество в условиях санкционного давления
западных стран (2014 – 2026 гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 441 группы
направления 41.03.05 «Международные отношения»
Института истории и международных отношений
Хасановой Аноры

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент

подпись, дата

В.А. Кустов

Зав. кафедрой
доктор исторических наук,
профессор

подпись, дата

Ю.Г. Голуб

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ

Сдвиги в архитектуре глобального порядка и усиление геополитической турбулентности задают контекст, в котором российско-иранское взаимодействие приобретает весомость, — хотя рамки этой весомости не остаются неизменными. Примечательно, что не сам двусторонний формат как таковой, а именно потенциал этих отношений воздействовать на конфигурацию международных коммуникаций оказывается в центре аналитического внимания. Партнёрство Москвы и Тегерана нередко рассматривается в качестве одного из элементов формирующейся многополярной конструкции, хотя редуцировать его до простого противовеса однополярности значило бы огрублять реальную картину.

Обе стороны демонстрируют готовность не только выдерживать масштабное санкционное давление, но и выстраивать обходные механизмы экономического взаимодействия. По мере того как западные ограничительные режимы приобретают всё более жёсткий характер, складывается новый полюс влияния на евразийском пространстве — причём речь идёт не о декларативном проекте, а о практически фиксируемом итоге координации усилий двух государств.

Экономическая составляющая этого альянса предполагает использование расчётов в национальных валютах и реализацию совместных инфраструктурных проектов, что порождает модель, потенциально масштабируемую для других государств, находящихся под аналогичным давлением.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика российско-иранских отношений в санкционном контексте привлекла внимание многих исследователей, хотя единого мнения по ряду ключевых вопросов не сложилось. В частности, важный вклад в изучение данной темы внесли такие авторы, как, например, Т.С. Чабиева, В.М.

Ахмедов, Ю. В. Баранов, О. А. Коптелева, С.В. Воробьёв, Г.Б. Рабочев, М. И. Безносова, К.А. Лихачёв В.Н. Сченснович, И.П. Хоминич, С. Али и др.

Объект исследования - международные отношения Российской Федерации и Исламской Республики Иран;

Предмет – особенности их сотрудничества в условиях санкционного давления западных стран в период 2014-2026 гг.

Цель работы заключается в анализе специфики российско-иранского взаимодействия под санкционным давлением Запада, выявлении основных элементов «антисанкционной» политики и оценке перспектив дальнейшего стратегического сотрудничества.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи исследования**:

1. Проанализировать исторические предпосылки и основы формирования современного формата партнёрских отношений между Россией и Ираном.

2. Исследовать динамику и особенности российско-иранского сотрудничества в торгово-экономической сфере в условиях санкций.

3. Проанализировать реализацию совместных энергетических и инфраструктурных проектов как инструмента преодоления санкционной изоляции.

4. Оценить потенциал и ограничения дальнейшего углубления российско-иранского партнёрства, предложить возможные сценарии развития двусторонних отношений.

Источниковая база исследования. Представленная работа основывается на следующих видах источников: международных соглашениях, договорах, совместных заявлениях, касающиеся российско-иранских отношений, выступлениях глав государств и дипломатов по вопросам политического и экономического сотрудничества, материалы информационных агентств и средств массовой информации.

Структура дипломной работы включает в себя введение, оглавление, три главы, заключение, список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. «Эволюция отношений между Россией и Ираном после распада биполярной системы» содержит анализ исторических предпосылок и основ формирования современного формата партнёрских отношений между Россией и Ираном, а также оценку геополитических факторов, способствующих сближению двух стран на международной арене.

Рассмотрение российско-иранского взаимодействия на протяжении 1992–2014 годов позволяет зафиксировать несколько устойчивых тенденций, определявших его характер. Указанный период выступил временем складывания новой двусторонней модели, опиравшейся на прагматические соображения, взаимную выгоду и учёт геополитических интересов каждой из сторон. Окончательное оформление этой модели относится к более позднему времени, однако её концептуальные контуры обозначились именно в данные годы.

В первой половине 1990-х годов двусторонние отношения переживали период становления: на фоне масштабной внешнеполитической переориентации России взаимодействие с Ираном выстраивалось осторожно, без резких шагов в ту или иную сторону. Со второй половины того же десятилетия наметилось постепенное расширение контактов сразу по нескольким направлениям — энергетическому, военно-техническому и транспортно-инфраструктурному.

Заметное воздействие на динамику двусторонних связей оказала иранская ядерная программа, повлёкшая за собой введение санкционного режима. Москва придерживалась линии на дипломатическое урегулирование и недопущение эскалации, при этом продолжая взаимодействие с Тегераном в пределах принятых международных обязательств.

Сближение стратегических интересов двух государств проявлялось прежде всего в подходах к обеспечению стабильности на Ближнем Востоке и в Каспийском регионе. Вместе с тем полного тактического единства достигнуто не было. Как указывают исследователи, российско-иранское сотрудничество образует существенный элемент поддержания регионального баланса и укрепления позиций обеих стран в международных делах, однако само содержание понятия стабильности стороны трактовали по-разному.

Геополитические факторы во многом задают вектор российско-иранского взаимодействия, хотя их воздействие редко бывает однозначным. Обе страны занимают положение значимых региональных акторов, располагающих весомым военным, экономическим и политическим потенциалом, а их стратегическое расположение в центре евразийского пространства само по себе формирует устойчивую основу для сближения. Сближение это, впрочем, объясняется не одной лишь географией: общность интересов в области национальной безопасности, совпадающее стремление противостоять внешнему давлению и разделяемая ориентация на многополярное мироустройство также играют существенную роль, пусть степень совпадения по конкретным вопросам и варьируется. Нарастающая конкуренция между ведущими державами и постепенное оформление новых центров силы объективно стимулируют сближение государств со схожими стратегическими установками. Именно в этом контексте российско-иранское сотрудничество приобретает значение не только двустороннего, но и регионального явления, способствуя укреплению позиций обеих сторон на международной арене.

Совокупность рассмотренных факторов позволяет охарактеризовать геополитическое измерение как структурообразующее для российско-иранских отношений. Географическая близость, пересечение стратегических интересов, схожесть внешнеполитических подходов и необходимость противостоять внешнему давлению образуют устойчивую основу двустороннего взаимодействия. Будучи значимыми региональными

державами, Россия и Иран заинтересованы в поддержании стабильности в сопредельных районах и в укреплении своих позиций в структуре международных отношений. Их взаимодействие вписывается в более широкую тенденцию к формированию многополярного мирового порядка и содействует укреплению безопасности в евразийском пространстве, хотя практическое воплощение этих целей сопряжено с существенными трудностями. Согласованность геополитических приоритетов, наращивание экономического сотрудничества и координация в области региональной безопасности в совокупности создают предпосылки для дальнейшего расширения двустороннего взаимодействия.

К завершению изучаемого периода двусторонние отношения между Россией и Ираном обрели черты относительно стабильного партнёрства. Отдельные противоречия и давление внешних факторов не устранили тенденции к сближению, заложенной в ходе переговорного процесса. Договорно-правовая база, складывавшаяся на протяжении этих лет, вместе с расширением торгово-экономических связей и сближением стратегических позиций обеих сторон сформировала условия, при которых дальнейшее углубление взаимодействия выглядело вероятным. Вместе с тем, насколько эти условия реализуются на практике, определялось совокупностью обстоятельств, поддававшихся прогнозированию лишь с ограниченной степенью уверенности.

Глава 2. «Особенности и направления российско-иранского сотрудничества в условиях нарастания санкционного давления Запада (2014-2026 гг.)» состоит из двух параграфов и анализирует динамику развития российско-иранского сотрудничества в политической, военной, торгово-экономической сфере в условиях санкций. Также уделено значительное внимание реализации совместных энергетических и инфраструктурных проектов как инструмента преодоления санкционной изоляции.

Российско-иранское взаимодействие в политической и военно-технической сферах на протяжении 2014–2026 годов представляло собой неоднородный процесс, в котором заметные успехи сочетались с не менее серьёзными противоречиями. Дать этому периоду однозначную оценку затруднительно: нарастание международного давления на обе страны создавало почву для сближения, тогда как совпадение национальных интересов по конкретным вопросам оставалось частичным. Венцом этого этапа стал Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, подписанный 17 января 2025 года и зафиксировавший качественно иной уровень двусторонних отношений с ориентацией на долгосрочную перспективу.

Политический диалог между двумя государствами после 2014 года разворачивался в условиях, когда санкционное давление на каждую из сторон последовательно возрастало, архитектура региональной безопасности претерпевала трансформацию, а ряд международных конфликтов обострялся. Оба государства придерживались схожих позиций относительно многополярного устройства мирового порядка и отвергали практику односторонних санкций и вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Точки соприкосновения во внешнеполитических курсах охватывали реформирование Совета Безопасности ООН, противодействие террористическим угрозам, обеспечение энергетической безопасности, а также защиту норм международного права.

Торгово-экономическое взаимодействие двух стран в период с 2014 по 2026 год претерпело качественные изменения, превратившись в один из значимых элементов стратегического партнёрства. Санкционное давление, оказываемое на оба государства одновременно, парадоксальным образом подтолкнуло их к диверсификации торговых потоков, выработке нетрадиционных расчётных механизмов и поиску новых организационных форм сотрудничества. Динамика товарооборота на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрировала устойчивый восходящий тренд.

Около 1,5 млрд долларов составлял объём двусторонней торговли в 2014 году; к 2023 году этот показатель вырос до 4,7 млрд, а к 2025 году превысил отметку в 6 млрд. Подобная динамика обусловлена одновременно расширением товарной номенклатуры, диверсификацией каналов поставок и формированием новых логистических коридоров.

Товарная структура двусторонней торговли при этом постепенно менялась. Если прежде доминировал российский экспорт промышленной продукции, то в 2020-х годах существенно возросла доля иранских поставок продовольственных товаров, текстиля и химической продукции. Российская сторона направляла в Иран металлы и металлоизделия, промышленное оборудование, транспортные средства, сельскохозяйственную технику и удобрения. Иранский экспорт формировался преимущественно за счёт фруктов, орехов, сухофруктов, морепродуктов, ковров и текстильных изделий, а заметную его часть составляли нефтепродукты и химическая продукция, реализуемые в рамках бартерных схем и встречных закупок.

Энергетическое и инфраструктурное сотрудничество двух стран в условиях санкционного давления стало одним из центральных элементов стратегического партнёрства, дав возможность обоим государствам частично переориентироваться с западных рынков на альтернативные схемы экономического взаимодействия — хотя масштаб достигнутой независимости не стоит переоценивать. Конкурентные противоречия на энергетических рынках и риски, порождаемые санкционным режимом, не помешали сторонам последовательно реализовывать крупные совместные проекты, углублявшие взаимозависимость экономик и повышавшие их устойчивость.

Отдельное место в энергетическом измерении партнёрства заняла атомная отрасль. Соглашение о возведении второй и третьей очередей АЭС «Бушер», подписанное в 2014 году, предполагало строительство двух новых энергоблоков совокупной мощностью 2,8 ГВт. Реализация проекта, стартовавшая в 2016 году, упрочила восприятие России как ведущего

технологического партнёра Ирана. К 2024 году первый из новых блоков был в основном достроен, тогда как работы по третьему блоку перешли в активную фазу.

Кроме того, обращает на себя внимание совместное строительство парогазовой электростанции «Сирик» в провинции Хормозган на юге страны. Для финансирования объекта мощностью 1400 МВт в 2016–2017 годах был открыт целевой российский кредит на сумму 1,2 млрд евро. После выхода США из ядерного соглашения в 2018 году реализация проекта осложнилась: ужесточение санкционного режима существенно затормозило работы. К 2021 году удалось перезапустить строительство с привлечением нового российского подрядчика, и темпы выполнения работ возросли. Помимо «Сирика», российские компании задействованы в модернизации ряда действующих тепловых электростанций и осуществляют поставки турбинного оборудования.

Среди инфраструктурных инициатив выделяется международный транспортный коридор «Север-Юг». Железнодорожный участок Решт-Астара, призванный связать иранскую и азербайджанскую сети, стал предметом межгосударственного соглашения 2018 года. Строительные работы, развёрнутые в 2021 году, к 2025 году вступили в завершающую стадию, что существенно сократило сроки грузовых перевозок и снизило сопутствующие логистические затраты. Параллельно развивалось морское направление: в 2022 году между портами Астрахани и Бендер-Аббаса заработало регулярное паромное сообщение, а в 2024 году аналогичный маршрут связал Санкт-Петербург с Бандар-Аббасом.

Глава 3. «Перспективы и вызовы для российско-иранского взаимодействия» включает рассмотрение потенциала и существующих ограничений для дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества, а также сценарный анализ возможных траекторий развития российско-иранского сотрудничества.

Современный этап развития российско-иранских отношений отличается сложным переплетением факторов, которые одновременно формируют значительный потенциал для углубления сотрудничества и создают комплекс ограничений, препятствующих его полной реализации. В условиях трансформации международной системы, усиления санкционного давления на обе страны и изменения структуры глобальных экономических и политических связей взаимодействие Москвы и Тегерана приобретает новое стратегическое значение.

К числу ключевых возможностей исследователи относят взаимодополняемость экономик и ресурсных баз двух стран. Россия располагает мощной промышленной и технологической базой, развитым оборонно-промышленным комплексом и энергетическими технологиями. Иран, в свою очередь, обладает крупными запасами сырья, ёмким внутренним рынком и растущим промышленным потенциалом, который развивается в рамках политики «экономики сопротивления». Сочетание этих факторов создаёт предпосылки для формирования устойчивых производственно-логистических цепочек, особенно в отраслях, где потребности одной стороны могут быть удовлетворены за счёт возможностей другой.

Речь идёт, например, об обмене российской техники на иранские промышленные товары и сырьё. Кроме того, накоплен позитивный опыт координации в рамках международных объединений, включая ШОС, БРИКС и ОПЕК+, что может послужить платформой для дальнейшей институционализации двустороннего альянса.

Среди факторов, способных подорвать сложившуюся динамику российско-иранского сближения, особого внимания заслуживает внутривнутриполитическая нестабильность в самом Иране. Часть иранского общества относится к ориентации на Москву без энтузиазма, что фиксируется в ряде исследований. Протестные выступления 2022 года обнажили глубину социальных противоречий внутри страны. При смене

политического руководства или обострении внутреннего кризиса внешнеполитический курс Тегерана может претерпеть существенные изменения — вплоть до переориентации на нормализацию отношений с западными странами, что неизбежно скажется на достигнутом уровне взаимодействия с Россией.

Сохраняются и структурные ограничения экономического характера. Иранское хозяйство накопило целый ряд хронических дисфункций — инфляционное давление, кризисное состояние банковской системы, износ производственной инфраструктуры, — преодоление которых выходит за пределы того, что способно обеспечить российское содействие. Что касается самой России, её экономика функционирует в условиях санкционного давления, что объективно сужает возможности для развёртывания масштабных зарубежных инвестиций.

Потенциал сотрудничества во многом обусловлен совпадением фундаментальных подходов к вопросам международного устройства, безопасности и суверенитета. Обе страны последовательно выступают за формирование многополярной международной системы, основанной на принципах равноправия государств, невмешательства во внутренние дела и отказа от практики одностороннего санкционного давления. Данные принципы находят отражение в официальных внешнеполитических концепциях Российской Федерации и Исламской Республики Иран.

Среди направлений стратегического взаимодействия двух стран оборонная составляющая занимает заметное место. Отдельного внимания заслуживает координация усилий в сфере безопасности Каспийского региона.

Российско-иранское партнёрство располагает заметным запасом возможностей для продвижения вперёд, хотя их практическое воплощение упирается в ряд объективных препятствий — санкционное давление, слабость инфраструктурной базы и расхождение в расстановке стратегических акцентов. Схожесть позиций двух государств на

международной арене, структурная взаимодополняемость их экономик, а также пересечение интересов в вопросах региональной стабильности формируют предпосылки для последовательного расширения взаимодействия. Насколько устойчивым окажется этот процесс, во многом определится тем, сумеют ли обе стороны приспособиться к трансформирующейся конфигурации международной среды и укрепить институциональную основу двусторонних связей.

Сценарный анализ с наибольшей вероятностью (50–55%) указывает на реализацию модели, которую можно обозначить как «альянс выживания»: тактическое взаимодействие без углублённой интеграции при постепенном расширении точечных совместных проектов. Переход к подлинно стратегическому партнёрству обусловлен одновременным выполнением двух условий — ослаблением санкционного давления и сохранением политической устойчивости в Иране, — совпадение которых в среднесрочной перспективе представляется маловероятным. Конфигурация внешних и внутренних факторов, от которой зависит итоговая траектория, отличается низкой предсказуемостью; их соотношение отражено в материалах рисунков 3 и 4, тогда как вопрос о том, какой из рассмотренных сценариев окажется реализованным, по-прежнему остаётся без однозначного ответа.

Заключение

Двусторонние отношения были рассмотрены в динамике: от ключевых этапов становления — к механизмам, посредством которых стороны адаптировались к условиям санкционного давления, и далее к оценке того, в каком направлении партнёрство способно развиваться в дальнейшем.

С начала 1990-х годов российско-иранское взаимодействие выстраивалось преимущественно на прагматической основе: стороны последовательно расширяли договорно-правовую базу и фиксировали базовые принципы сотрудничества, формируя тем самым тот институциональный каркас, на который опирается нынешний формат

отношений. Ключевую роль в этом процессе сыграли двусторонние соглашения, а также документы, очертившие контуры стратегического партнёрства. Постбиполярный период, таким образом, стал временем накопления того практического опыта, который впоследствии определил логику сближения двух государств.

Рубеж 2014 года обозначил качественный сдвиг в характере политико-дипломатических и правовых механизмов взаимодействия. Санкционное давление со стороны западных государств превратилось во внешний импульс, существенно ускоривший этот процесс: перед сторонами встала задача выработки устойчивых форм координации — как на двустороннем уровне, так и в рамках многосторонних площадок. Именно поиск подобных форм придал отношениям новое измерение, выходящее за пределы ситуативного прагматизма, характерного для предшествующего этапа.

Вторая задача исследования состояла в изучении того, как складывалось торгово-экономическое взаимодействие двух стран в условиях внешних ограничений и какими особенностями оно отличалось. Санкционное давление оказало на обе стороны двойственное воздействие: доступ к международным финансовым инструментам, передовым технологиям и иностранным инвестициям существенно сузился, тогда как двусторонняя торговля и альтернативные механизмы экономического обмена получили дополнительный импульс к развитию. Российско-иранское сотрудничество в экономической области приобрело выраженную практическую направленность: обе стороны усилили внимание к расчётам в национальных валютах, наращиванию межрегиональных связей, а также к согласованию логистических маршрутов и диверсификации товарных потоков.

Анализ энергетических и инфраструктурных проектов в контексте преодоления санкционной изоляции составил третью исследовательскую задачу. Именно эти направления — энергетика и транспорт — сформировали структурную основу российско-иранского партнёрства на протяжении

2014–2026 годов: через них выстраивалась долгосрочная взаимозависимость, а само взаимодействие двух сторон получало устойчивую материальную базу. Среди ключевых векторов сотрудничества выделяются атомная энергетика, включая продолжение работ на АЭС «Бушер», а также участие российских структур в модернизации иранской энергетической инфраструктуры. Параллельно расширялась кооперация в нефтегазовой сфере, и прорабатывались масштабные соглашения, ориентированные на укрепление энергетической взаимосвязанности двух государств.

Четвёртая задача исследования была связана с тем, чтобы оценить, насколько партнёрство способно углубляться, и наметить возможные траектории его развития. Проведённый анализ показал: резервы для сотрудничества сохраняются весьма существенные. Обусловлено это несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во внешнеполитическом отношении стороны разделяют приверженность принципам суверенитета и многополярного мироустройства. Экономические интересы участников выстроены по взаимодополняющей логике, что создаёт предпосылки для устойчивого взаимодействия. Помимо этого, объективно ощущается потребность в формировании альтернативных механизмов — как финансовых, так и логистических.

Сценарный анализ позволяет выделить три траектории развития отношений с различной степенью вероятности. При реалистичном варианте санкционное давление сохраняется, а сотрудничество продвигается точечно — в энергетике, логистике, ряде торговых секторов и в области военно-политической координации; институциональные форматы (ЕАЭС–Иран, ШОС и смежные площадки) расширяются, но постепенно. Оптимистичный вариант предполагает иную исходную точку: ослабление санкционных ограничений открывает доступ к инвестиционным ресурсам и технологиям через партнёров за пределами западного блока, что создаёт условия для реализации масштабных инфраструктурных инициатив и перехода к более комплексной модели экономического взаимодействия.

Период с 2014 по 2026 год демонстрирует характерную закономерность: обе страны не просто адаптировались к условиям санкционного режима, но и освоили способность извлекать из части ограничений стимулы для поиска новых форм стратегического взаимодействия. Режим повышенной сложности, порождённый рестрикциями, обнаружил свойство, которое не было очевидным с самого начала: при определённой конфигурации давления он способен генерировать запрос на институциональные и кооперационные решения, которые в иных обстоятельствах могли бы не возникнуть.